

Елена Чалова

Кредо соержанки

«Центрполиграф»

2011

Чалова Е. Э.

Кредо содержанки / Е. Э. Чалова — «Центрполиграф», 2011

Рина и Роман были счастливы в браке: взаимопонимание, прибыльный семейный бизнес, малышка-дочь. Но мир рухнул, когда Роман бросил семью и навсегда уехал в Индию. Рине пришлось в одиночку управлять туристической компанией. Она проводила на работе очень много времени, уставала, почти не виделась с дочерью. К тому же бесконечные путевки в Гоа навевали печальные мысли. Однажды утром Рина не смогла подняться с кровати. И тогда она решила: все, хватит. Ну ее, эту начальственную должность. Пора жить в свое удовольствие. И предстала в новом качестве – флористки и любовницы.

© Чалова Е. Э., 2011

© Центрполиграф, 2011

Содержание

Елена Чалова	5
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Елена Чалова

Кредо содержанки

Что вы представляете себе, когда говорите: она бизнес-леди?

Средних лет ухоженная женщина. Хорошо одета, потому что так положено. Накрашена – как же без этого. Оснащена всеми необходимыми аксессуарами: навороченным мобильным телефоном, машиной, ежедневником, деловыми связями, интимным знанием, кому и сколько дать в местной – городской-областной администрации, чтобы представители этой самой администрации не мешали жить и работать. У нее неизбежно появляются горькие складки у рта, потому что многая власть (да простит меня царь Соломон за беззастенчивое перевирание его слов!) несет многая печаль. Она на собственном опыте поняла, где лучше и где глубже, почем фунт проблем с налоговой и что бесполезно подстилать соломку, а нужно как можно быстрее обзавестись счетом в каком-нибудь банке (лучше не российском).

Но ведь женщины такими не рождаются, правда? Ни одна девочка не рождается генеральным директором, ведущим менеджером или главным инженером. Однако жизнь – такая забавница – порой выталкивает на эту многотрудную роль человека совершенно неподходящего склада.

Рина всегда любила цветы и драгоценности. Не домашних животных и не модную одежду, а молчаливо-выразительные растения и выразительно дорогостоящие украшения. После школы она собралась было пойти учиться на дизайнера ювелирных украшений, но там оказался неожиданно высокий конкурс, да еще многие из абитуриентов были так несомненно знакомы и по-родственному близки членам приемной комиссии, что девушка моментально поняла – ей здесь ничего не светит. И отправилась в академию туризма. Там она познакомилась с Романом.

Голубоглазый блондин с веселой улыбкой учился на курс старше, но покорила ее сердце на первой же дискотеке. Она была так влюблена и так счастлива, что казалась самой себе героиней сказки.

Они были красивы, очень-очень молоды, и оба так светились своей любовью, что люди – даже просто прохожие – улыбались, глядя на них. Они поженились, и родители Романа, много лет жившие и работавшие в Индии, помогли молодым людям обзавестись квартирой и начать свое дело. Рина вела дела в офисе, занималась бизнесом в Москве. Потом у них родилась дочка Маша. В общем, как в сказке – жили они, не тужили. Ромка часто мотался в Индию, потому что, как он объяснял, за местными нужен глаз да глаз. Чтобы не дать принимающей стороне распуститься и расслабиться, он сам возил группы, осматривал гостиницы, транспорт и изучал маршруты экскурсий. А потом сказка кончилась, и все стало как в обычной скучной взрослой жизни. Они развелись. Маша осталась с мамой, а папа решил не возвращаться из Индии.

И Рине пришлось тащить бизнес одной. Ну, в наше время одинокой бизнес-леди никого не удивишь. Но пост генерального директора компании – это большая ответственность и огромный труд. Рина проводила на работе большую часть дня, даже по магазинам ходить было некогда, и она начала заказывать одежду по каталогам, благо сейчас можно найти не только подороже, но и вполне высокого класса вещи. Она купила себе хорошую машину, ноутбук, длинную шубу из брюшек рыси (стоит как иномарка) и норковое полупальто, чтобы удобно было ездить в машине... А больше тратить особо было не на что, да и желания не возникало, поэтому банковский счет выглядел весьма впечатляюще, и сначала Рину факт этот хоть как-то радовал. В своей финансовой состоятельности она находила подтверждение тому, что ей не нужен Роман, вообще мужик не нужен – сама справится. Ребенка поднимет, бизнес выведет

на топовый уровень. Вот так, сжав зубы, вперед, доказывая себе и ему (хотя ему-то как раз все равно), что женщина не слабее, не глупее, что она может все, что угодно. И бизнес процветал, деньги шли, клиенты валом валили, и агентство собирало все возможные премии и звания.

Но постепенно злость ушла, сердце Рины отболело, а интерес к делу угас. И осталась только рутина, когда изо дня в день делаешь то же самое, просто потому, что так надо. А потом начала накапливаться усталость. Каждое утро чуть труднее было вставать с постели, не хотелось есть, и Рина очень похудела. Несколько раз она ловила себя на том, что кричит на подчиненных. Это было неприятно: выдержанный и интеллигентный человек не должен срываться. Но что же делать, если они такие бестолковые и все надо контролировать и по сто раз проверять самой? Дома она так же покрикивала на Машку. Девочка уродилась в отца: голубоглазая блондинка, только вот Роман всегда был худой, а Машка склонна к полноте. Впрочем, пока это выглядело щенячьей милой пухлостью и мягкостью. Рина – белокожая, с зелеными глазами и каштановыми с золотистой искрой волосами – только качала головой, глядя на дочь. Ну почему, почему природа всегда делает все вопреки? Она хотела бы видеть дочь отличницей, целеустремленной и деловой девушкой, имеющей цель в жизни. «Вот тогда, – думала Рина, – мы бы стали подружками».

Но Машка совершенно не соответствовала этому придуманному образу. Больше всего она походила на жизнерадостного щенка, резвого, с развесистыми ушками и незлобивым нравом. Обожала поесть и поваляться на диване, сходить в кино, а потом по кафешкам и магазинам с подружками.

Однако очень быстро Рина поняла, что у легкости и отходчивости Машкиного нрава есть и другая сторона. Дочь росла человеком независимым и самостоятельным. Впрочем, возможно, это явилось прямым следствием того, что Рина слишком много работает и ей некогда возиться с ребенком. И Машка занимала себя сама: смотрела телик, не перенапрягалась в учебе. Принося тройки в четверти, выслушивала негодующие материнские крики, пожимала плечами и уходила к себе в комнату. А Рина без сил падала на диван, мысленно обещая себе и дочери, что будет проверять домашние задания, больше времени проводить с Машкой... и вместо тети Кати наймет гувернантку. Современную, с иностранным языком и прочими достоинствами. Однако в душе она понимала, что лучше тети Кати никого и никогда не найдет. Та жила в соседнем подъезде, знала Машку с раннего детства, дружила с родителями Романа, то есть с бабушкой и дедушкой. Содержала квартиру в относительном порядке, готовила, сидела с девочкой, когда та болела. И при всем этом копейки лишней не брала. Так они и жили: Рина с утра до вечера на работе, Машка – дома с тетей Катей, периодически они подвергались визитам бабушки и дедушки, но те, хоть и недовольные укладом дома, сказать ничего не осмеливались. Да и что говорить? Рина зарабатывает деньги одна, потому что их собственный сын предпочел солнечный рай московским трудовым будням и ни разу не вспомнил о дочери и родителях.

Замуж Рина не выходила, просто было некогда, да и желания связывать свою жизнь с мужчиной не возникало.

У нее как-то вдруг вообще иссякло свободное время. Ежедневник пух от планов. Каждый день расписан по часам. Само собой, Рина понимала, что женщина должна следить за собой, и процедуры в косметических салонах включались в распорядок дня. Парикмахер, косметолог, маникюр, педикюр, массаж, йодо-бромовые ванны... Но относилась она к этому исключительно как к деловому предприятию.

Все мы живем порой именно так – двигаясь по единожды проложенным рельсам. Ходим на работу, потому что это приносит деньги. Ложимся в постель с одним и тем же человеком, потому что это называется семья и мы так привыкли. Соблюдаем офис-стайл, потому что так принято. Не хватает фантазии или смелости на бунт. А потом, в какой-то момент, становится слишком поздно, и бунт уже невозможен и бессмыслен. Человеку страшно показаться смешным, утратить статус. И он бежит по кругу, как зашоренный ослик, крутит колесо и льет воду

удовольствия не на свою собственную жизнь, а на жизни других людей, у которых хватило сил или удачливости стать счастливыми.

Однажды в возглавляемую Риной турфирму обратилась дама, представитель Центра духовной гармонии. У центра, сказала она, обширные планы: мы собираемся регулярно возить группы в музей-усадьбу Рерихов, который находится в Нагарре в гималайском штате Химачал-Прадеш, неподалеку от живописной долины Кулу. Спрос велик, и поток желающих постоянно увеличивается. И нам нужна турфирма, которая будет заниматься перевозкой и размещением паломников и туристов, оформлением документов и прочими делами.

Деньги при таком сотрудничестве вырисовывались немалые, а потому Рина вела переговоры сама. Представитель Центра духовной гармонии приехала для переговоров и заключения договора на солидной машине с шофером, и они разместились в кабинете генерального директора турагентства, то есть Риной. Дама назвалась Леонидой и выглядела своеобразно: на лбу индуистский красный кружок бинди, длинные серьги, яркая одежда, где сочетаются красные, желтые и зеленые тона. Но только если индийский костюм в сознании большинства связывается с шелками, хлопком и прочими легкими тканями, то Леонида, делая поправку на московский климат, вещи носила трикотажные и вязаные. Светлые волосы волнами падали на плечи, окружая чуть оплывший овал лица – все-таки даме явно за пятьдесят. Полноватые руки унизаны кольцами и звенящими браслетами. Но, несмотря на экзотическую внешность, торговалась она серьезно, и Рина к концу переговоров устала неимоверно. Однако обе они остались довольны сделкой, и Рина, не торопясь выходить на слякотную московскую ноябрьскую улицу, предложила вдруг кофе с коньяком.

– Давайте, – легко согласилась Леонида. – А шоколад у вас есть?

– А как же!

Рина извлекла из бара бутылку выдержанного дорогого коньяка, крошечные серебряные рюмочки и плитку горького шоколада. Секретарша принесла кофе.

Они выпили, и Рина с удовольствием почувствовала, как внутри расплывается тепло. Шоколад тоже хорошо пошел, заставив замолчать ноющий от голода желудок. Прислушиваясь к приятным ощущениям в собственном организме, молодая женщина немного расслабилась, оказалась совершенно не готова и не сумела справиться с лицом, когда Леонида вдруг спросила:

– Почему вы занимаетесь именно индийским направлением, если вам это так неприятно?

– С чего вы взяли... – растерянno пробормотала Рина, чувствуя, как вспыхивают смущением щеки. Вот не вовремя! – Страна чудесная, просто я больше люблю Европу.

– Нет-нет, это что-то личное.

Рина молчала, раздумывая, как бы поаккуратнее объяснить выгодной клиентке, что та лезет не в свое дело.

– Послушайте, Рина, я действительно хочу вам помочь, потому что вы ведь несчастливы... Это ваша дочка? – Леонида встала, прошлась по кабинету, бесцеремонно разглядывая фотографии на столе. Ее браслеты звенели, а серьги покачивались в такт движению. Рина растерянno хлопала глазами, а дама тоном светской беседы продолжала говорить весьма странные вещи. – Не стану проповедовать вам истины духовного совершенствования, потому что вы человек очень закрытый, глубоко эгоистичный и вам этот путь не подойдет. Я скажу вам кое-что другое. Я дипломированный психолог. Училась в Москве, затем в Швейцарии и только потом – в ашраме в Индии. И если я и выгляжу, на ваш взгляд, смешно... Не отрицайте, я знаю... Но это не потому, что я не могла бы одеться по московской моде: стильно и во все черное с добавлением какого-нибудь модного в этом сезоне цвета – что там у нас сегодня на повестке дня, ежевичный? – нет, я могу позволить себе покупать любую одежду.

Но именно этот костюм меня радует, понимаете? И я хочу радовать себя! Я четко знаю, что живу один раз, и хочу, чтобы мне было в этой жизни комфортно и весело... если это не

в ущерб моим близким, конечно. А почему же *вы* не делаете того, что хочется вам? Почему живете тяжелой и неприятной для вас жизнью? Не потворствуете своим желаниям?

– С чего вы взяли, что директорский пост в процветающей турфирме – это не то, чего я хочу?

– А что вы хотите? – Мягкий голос и улыбка на полных губах пропали. Женщина смотрела на Рину холодным насмешливым взглядом. – Власти? Вам нравится командовать людьми? Вы получаете удовольствие, наказывая провинившихся и поощряя верных и трудолюбивых?

– Само собой, я наказываю и поощряю, но это просто работа...

– То есть удовольствия вы от своей высокой должности не получаете? Тогда почему же вы проводите здесь все дни и вечера? Вам нравится зарабатывать деньги? Много денег? Вы думаете об их росте? Вкладываете? Копите?

– Нет...

– Значит, деньги – не главное. Дочь? Вы всю себя отдаете дочери? Она ходит в три кружка сразу, занимается спортом, и вы предвкушаете момент, когда отдадите ее в престижный вуз? Или выдадите замуж за богатого человека?

Рина закусила губу. Она никогда не пыталась вылепить из Машки совершенство. Не потому что не любит дочь или не хочет для нее счастливого будущего. Но Машка, при всей ее разболтанности, характером обладает из серии «где сядешь – там и слезешь». В этом году она решила заниматься танцами и потребовала у матери оплатить курс в каком-то клубе. Бедная тетя Катя одну ее отпускать боится, таскается туда с девчонкой и ждет, пока Машка два часа прыгает под музыку. Все попытки Рины объяснить Машке, что с ее рыхлой фигурой от танцев толку не будет, разбились о прозрачный взгляд голубых – как у отца – глаз и непробиваемое «хочу!». Вот и ходит она на танцы, а не на английский, как предлагала Рина.

– Значит, и здесь без фанатизма, – раздался голос Леониды, и Рина даже вздрогнула. – Тогда зачем вы себя так мучаете? У вас наверняка болит желудок, и вы скорыми шагами приближаетесь к язве. Это видно по худобе, которая вам несвойственна, и по оттенку кожи.

Рина молчала. Гостья подошла к столу, налила еще рюмку конька хозяйке и себе. Они выпили, заели шоколадкой, и Леонида повторила вопрос:

– Почему вы не любите Индию, Рина?

– Потому что муж променял меня на нее. Меня и дочь.

– В каком смысле?

Рина с тоской посмотрела в окно. Ох уж мне эти психологи... Но раз даме так хочется услышать историю ее разбитой любви – пусть получит удовольствие.

– Эту компанию нам помог открыть отец Романа, который долго работал в Индии дипломатом. Остались контакты и все такое. Но я всегда занималась нашими туристами здесь, а Роман, мой муж, мотался туда. – Глупо, наверное, рассказывать о своих проблемах чужому человеку, но Леонида сама напросилась. – Сперва мы работали с традиционными направлениями, а потом добавили к ним Гоа, потому что этот район становился все более популярным. И вот как-то раз муж уговорил меня поехать с ним. Это нужно было сделать... трудно продавать людям то, чего ты никогда не видел. И я поехала. Мне в Индии было некомфортно... душно, влажно. Ужасно грязно. Много нищих. Слишком яркое солнце и сильные запахи... Я поняла, что эта страна не для меня. Но посмотреть все же было любопытно. А потом мы приехали на Гоа. И Роман словно сошел с ума. Он вдруг стал уговаривать меня не возвращаться домой. Сказал, что все придумал: если сдать нашу квартиру в Москве, то нам хватит на безбедную жизнь там. Бунгало он уже нашел. Он показал мне это бунгало. Там была служанка... я сразу поняла, что она не просто служанка, по тому, как она на меня смотрела... Но даже не это главное. Я все никак не могла поверить, что он говорит серьезно. Думала – прикалывается или перебрал накануне. Спросила: а Машка? Он пожал плечами: здесь есть дети, может жить с нами... а лучше оставить ее у дедушки и бабушки. Им, мол, не скучно будет.

А вечером мы пошли на пляж. Там было много народа. Кто-то в местной одежде, кто-то в европейской... но было понятно, что всем безразлично, что именно на них надето. Русские, англичане, американцы... по-моему, они собрались отовсюду, со всего мира. И для всех этот клочок земли с пальмами и пляжами стал домом. Люди ходили, сидели или лежали, болтали, смеялись. Потом пришел мужик с дредами, в заношенных шортах и майке с дыркой на боку... В одной руке он нес факел, а под мышкой – барабан. Он воткнул в землю факел. Сел рядом и стал играть на барабане. Вокруг бегали голые ребятишки, кто-то плескался в море, кто-то трахался здесь же, на песке. Роман принес самодельные сигареты... он курил их и предлагал мне. Я поняла, что это какая-то травка, сладковатый такой запах, и многие, покулив, валились навзничь и лежали часами или начинали глупо хихикать.

Но я не курю вообще и там не стала. А Роман опять завелся: смотри, здесь рай. Ничего не надо: ни думать, ни работать. Этот парень с барабаном – бывший управляющий Малком-банком. У него в Москве было все: машина, квартира, деньги, дом на Рублевке, жена. Но теперь его не волнуют денежные потоки и прочие глупости, потому что ему хорошо. Здесь всем и всегда хорошо... Но я уехала. Это был не мой рай, понимаете?

– А муж остался?

– Да.

Они долго молчали. Потом Леонида спросила:

– Это было несколько лет назад, правильно?

Рина кивнула.

– Что ж. – Леонида покрутила в руках серебряную рюмку, аккуратно поставила ее на место и сказала: – Вы честно ответили на мой вопрос, и я поняла, почему вы не испытываете любви к Индии. И теперь я позволю себе дать вам совет: перестаньте заниматься тем, что вам неприятно. Возможно, стоит сменить направление и возить людей в Европу. Может, такая перемена приведет к некоторому сокращению доходов, но так ли это важно? Ведь вы не живете, а бежите куда-то, закрыв глаза шорами. Спросите себя: зачем?

Рина пожала плечами.

– Эта работа не хуже любой другой, – сказала она. – По крайней мере, я сама себе хозяйка.

– Вы удивитесь, сколько людей любят свою работу, хоть и являются всего лишь членами коллектива. – Леонида помедлила, а потом заговорила снова: – Если вам скажут, что через год случится катастрофа и земля погибнет, подумайте, чем вам хотелось бы заниматься этот год? Как прожить его, чтобы было интересно и радостно и хотелось рано вставать, спешить на работу, а вечером рассказать дочери, чем именно вы занимались сегодня и что собираетесь делать завтра?

Психологиня не стала требовать немедленного ответа, но настоятельно советовала подумать о будущем. Они с Леонидой распрощались вполне дружески, но Рина чувствовала не ловкость, неизбежную после такого разговора. Однако самые главные моменты предстоящей совместной работы были согласованы, документы подписаны, и дальнейшие дела дамы поручили менеджерам, сведя общение к обезличенной компьютерной переписке. Рина попыталась выкинуть из головы странный разговор, но слова психолога постепенно просачивались в ее сознание, и вскоре она никуда не могла деться от вопросов: зачем это все? Почему она изо дня в день делает то, что ей неприятно?

И вот как-то утром она не смогла встать с кровати. Накануне был трудный день: долгая работа, переговоры в ресторане – чего Рина терпеть не могла. Вечером у нее болел желудок, и она заснула лишь под утро. Снилось ей что-то мучительное, но нет ни сил, ни желания вспоминать, что же это было. Прозвонил будильник, и женщина со вздохом облегчения вынырнула из сна, больше похожего на забытие. И вот она лежит в постели, смотрит в потолок и чувствует, как из глаз льются слезы. Так она и лежала, прислушиваясь к происходящему в квартире. Вот пришла тетя Катя – у нее свои ключи. Машка собирается в школу. Ей и в голову не приходит,

что мама дома: Рина всегда уходит рано. Машка топает по коридору жизнерадостным слоненком, ругается с Катей, не желая надевать шапку и теплые сапоги. Вот хлопает дверь... Но Катя, должно быть, увидела в коридоре сумочку Рины или почувствовала что-то. Она отвела Машку в школу и вернулась. Сделала чай и принесла Рине в спальню. Заставила выпить. Через некоторое время желудок отпустило, но слезы продолжали течь. Катя покачала головой, укрыла молодую женщину и сказала:

– Поспи, устала ты очень.

В обед она принесла бульон. Как в детстве, когда болеешь, положено пить куриный бульон. И Рина послушно пила. Потом она опять откинулась на подушки и задремала. Проснувшись, почувствовала себя лучше. Позвонила в офис, отдала необходимые распоряжения и сказала, что сегодня и завтра ее на работе не будет. Если что-то срочное – пусть звонят. На том конце воцарилось растерянно-испуганное молчание, но Рина уже повесила трубку.

Два дня она сидела дома и думала. Это ведь редко случается с человеком, чтобы вот так сесть и попытаться сформулировать ответы на вопросы вроде тех, что задала Леонида. Чаще всего периоды задумчивости у граждан случаются два раза в год – на собственный день рождения (после того как вы выросли из того возраста, когда этот день еще кажется праздником) и под Новый год, когда принято подводить итоги и задумываться о планах на будущее. Из чувства самосохранения мы часто гоним такие мысли прочь и начинаем беспокоиться о салатах и закусках или обещать себе с понедельника сесть на диету или начать копить на ремонт. Но Рина не стала прятаться за дела и обязательства. Она сидела в спальне, смотрела в стену и просто-напросто проговаривала про себя вопрос, а потом искала на него ответ.

Хочу ли я идти на работу? А куда я хочу? Хватит ли мне денег на жизнь? Что скажут родители Романа? Что я буду делать через год? Через два?

Вечером она дождалась возвращения Машки с танцев и спросила, кем дочь хочет стать, когда закончит школу. Машка оторвалась от тарелки с макаронами (спагетти из муки твердых сортов, от которых вроде как не полнеют) и удивленно воззрилась на мать. Потом пожала плечами, сказала, что пока не знает, но вот Лидка говорит, что сейчас круто быть пиаре. Рина вздохнула, мимоходом погладила Машку по светлой голове, потом поехала к родителям Романа и попросила свекра помочь с продажей бизнеса. Конечно, они отговаривали ее, но Рина, увидев впереди свободу и возможность жить и получать, черт возьми, удовольствие от этой жизни, настояла на своем. Ее буквально трясло от мысли, что нужно опять идти в офис и изо дня в день заниматься тем же самым. Покупатель нашелся, и, несмотря на спешку, удалось выручить довольно приличную сумму. Рина честно поделила деньги на три части: треть родителям Романа, треть на счет в английском банке на Машкино имя и треть – себе. А на следующий день после подписания договора о продаже фирмы Рина записалась на курсы флористов.

Какой образ представляется вам, когда вы произносите слово «цветочница»? Милое создание, словно сошедшее с полотна Вермера? Девушка в скромном платье с пышными волосами, окруженная рассеянным мягким светом, который ласкает кожу... Тонкие пальцы перебирают упругие и прохладные зеленые стебли, шершавые листья... и ранятся в кровь о неизбежные шипы? И тогда с жалобным восклицанием палец подносится ко рту, и розовый перламутр губ темнеет, окрашенный каплей крови...

Или мы увидим цветочницу другой? Городская и вполне разбитная девушка, спешит по улице с корзиной в руках. Да, ее волосы выются и блестят, на щеках ямочки, если она улыбается, а губы еще свежи, но если взглянуть на ее руки, то вы увидите, что кожа их огрубела, а ногти коротко острижены, потому что не так это просто – свернуть несколько сотен букетов, обрывая ненужные листочки и плотно прижимая друг к другу непослушные стебли. Сейчас ее корзинка полна благоуханными букетиками фиалок. Волшебно светят фонари на бульварах, из театра выходят дамы в вечерних платьях и драгоценностях, мужчины во фраках. Господа

охотно покупают своим спутникам цветы, с интересом поглядывая на хорошенькую цветочницу. Та улыбается, весело отвечает на шутки и пропускает мимо ушей недостойные предложения. Впрочем, она уже не первый раз видит вот этого симпатичного господина, у него добрые глаза и подкупающая улыбка... Он сопровождает в театр женщину с холодным и властным лицом и никогда не покупает ей цветов. Берет одну розу и вставляет ее в петлицу смокинга. В прошлый раз он попросил цветочницу приколоть цветок, и совсем близко она увидела его светлые усы и морщинки в уголках глаз. И он так ласково сказал:

– Спасибо, милая... как вас зовут?

И сегодня она бессознательно шарит глазами по толпе, отыскивая его взглядом...

Учеба давалась легко. В парниках и учебных классах, наполненных живыми и срезанными растениями, Рина чувствовала себя как дома. С удовольствием копалась в земле, надолго забывала о безупречном маникюре и вспоминала о своей работе в престижной должности руководителя процветающей компании как о страшном сне.

Именно в это время она сумела подружиться с собственной дочерью. Машка была потрясена маминым поступком, но когда Рина принялась объяснять, что хочет пожить для себя, делая то, что нравится, девочка обрадовалась и заявила, что она сама тоже все время старается так жить и хорошо, что мама все наконец поняла. Поразмыслив, Машка осторожно поинтересовалась: может, ну ее на фиг, эту школу? Если уж говорить об удовольствиях, то подобным жутким заведениям не должно быть места в нашей жизни. Но Рина так сильно прогибаться отказалась. Все-таки свобода свободой, но меру знать надо. Машка повздыхала, но смирилась. Не сразу, но они нашли общий язык и теперь порой ходили вместе по магазинам или просто так – погулять в парк, посидеть в кафе.

Рина рассказывала о своих сокурсниках, а Машка – об одноклассниках, и Рине вдруг стыдно стало, что она никого из них не знает и в школе не была класса с третьего. Двигимая угрызениями совести, она отправилась на ближайшее родительское собрание в Машкин девятый «А» и ужасно неудобно чувствовала себя под любопытными взглядами родителей и классной руководительницы. Милейшая Татьяна Николаевна, преподавательница истории, которую и дети, и взрослые за глаза звали Татьяшей, пыталась подружить инертный класс, сплотить детей, которые никак не желали проникаться духом коллективизма и выступали единым фронтом, только если надо было сорвать урок по информатике или продинамить дежурство в школьной столовой. Преклонный возраст учительницы и непонимание «почему же они у нас такие выросли» делало воспитательный процесс безнадежным, но благие намерения вызывали уважение. Невзирая на высокое давление и прочие недуги, Татьяна Николаевна даже свозила класс в Грецию. Всем детям (впрочем, кое-кто из девятиклассников ростом уже обогнал родителей) понравилось, хотя многие родители поджимали губы, выслушивая рассказы своих чад о походах в ближайший магазин за пивом и энергетическими напитками, а также вытряхивая из чемоданов пачки сигарет.

Рина осталась в счастливом неведении относительно всех этих безобразий, потому что умненькая Маша сигареты покупать не стала, а стрельнула пару раз у одноклассников и рассказывала маме исключительно о том, как было интересно...

«Вот, смотри, я нафоткала, Татьяша много вещала про этот храм, вот, руины, конечно, но все так живописно и цветы вокруг такие красивые... Я смотрела на цветы и тебя вспоминала», – говорила девочка, прижимаясь к счастливо млеющей Рине. И в самом деле, зачем нервировать мать, которая наконец-то стала похожа на человека, рассказами о том, как Гошка залез на край обрыва над этими самыми руинами, камушки у него под ногами поехали-посыпались, и он чудом успел схватиться за куст? И как его помогали спасать американские туристы? Или как их группу привезли обедать в какой-то многострадальный ресторанчик и, пока девчонки улыбались черноглазым ленивым официантам, мальчишки налили уксус в супницы,

приготовленные к подаче гостям? Или как Светке было плохо, потому что она на спор съела какого-то жучка и запила банкой тоника?

Все эти милые и страшные истории детства и отрочества родителям знать не положено, считала Машка, и ее обращенный к матери взгляд буквально лучился честностью и безмятежностью.

А потом настал черед Рины уезжать. По итогам учебы группа лучших студентов на последнем году обучения отправилась на стажировку в Голландию. Машку она оставила на бабушку с дедушкой и Катю.

Голландия Рине понравилась. Она и прежде бывала за границей: в Турции, Тунисе и даже в Париж ездила на неделю с экскурсионным туром. Но экскурсионный тур – это одно, а если ты пусть и недолго, но живешь в стране, да еще в провинции, то это совсем другая история. Рину определили на практику в цветочное хозяйство, которое находилось не в центре славного города Амстердама, а в самой что ни на есть сельской местности. Практика предполагала три недели обучения в деревне, то есть в провинции, а потом еще неделю стажировки в одном из цветочных центров Амстердама.

Маленький голландский городок Меркен поражал чистотой и тишиной. Беленые дома под темными деревянными крышами, не слишком шикарные снаружи, но удобные и симпатичные внутри, располагались чуть в стороне от дороги, среди полей и теплиц. Здесь все жили просто: днем работали, а по вечерам сидели в местном баре, обсуждая виды на урожай, результаты футбольных игр и политику. По выходным в общественном здании для собраний устраивали танцы. В одном углу ставили столы с пивом, сидром и лимонадом (чтобы не бегать в бар за выпивкой). В другом углу располагался местный оркестр. Ветеринар играл на скрипке, двое других горожан на гитарах и еще одна дама – на банджо. К удивлению Рины, сперва оркестрик в обязательном порядке наяривал народные танцы, которые все – и стар и млад – танцевали с огромным удовольствием. Потом включалась музыкальная установка, и действо превращалось в традиционную дискотеку.

Но это все вечером. А с утра, с пяти часов, все горожане работали. Сразу за городком начинались парники и плантации цветов.

Внешне контраст с Россией был не так уж велик, особенно если вспомнить поездку в Индию. Все же кругом белокожие люди европейской внешности, относительно привычная природа, березки там, елки. Но! Уклад жизни, как выяснилось, весьма отличался от привычного. Рине выделили комнату в доме меффрау Хюльды, владелицы теплиц и полей, где выращивались саженцы. Большой дом вполне удобный, но в чем-то он походил на магазин ИКЕА. То есть все такое – прямоугольно-деревянное. Сама меффрау, женщина лет сорока, была высока, широкоплеча, носила мешковатые брюки, мужские ковбойки и бесформенные джемперы, а голову мыла раз в неделю. Рина ни разу не видела ее накрашенной. Она железной рукой руководила цветочным хозяйством, бесконечно сидела над счетами, а муж готовил и возился с двумя сыновьями десяти и семи лет. Он же мыл посуду и ездил за покупками. Очень тихий, спокойный, в очках, с коротко стриженным ежиком седых волос, Ян ни слова не знал по-английски, и потому их с Риной общение ограничивалось в основном улыбками и кивками. Работал он бухгалтером в какой-то компании, для чего ездил в соседний городок на машине. Меффрау, как постепенно поняла Рина, пилила его за это, потому что сама она – как и большая часть местного населения – передвигалась на велосипеде, а дорогой бензин расходовал исключительно муж. Зарплаты за работу Рине не полагалось, зато ей выделили небольшую комнатку на втором этаже, кормили за общим столом, и она могла набираться опыта в парниках и теплицах. Меффрау, которая вполне бойко объяснялась по-английски, стала для Риной рупором голландских традиций и культуры. Впрочем, сперва Рина решила, что таковы странности самой Хюльды. Например, после ужина гостя предложила помыть посуду. Меффрау покачала головой. На следующий день

опять. Рина, которую мучило сознание собственной ненужности, спросила, почему не может помочь по дому.

– Ты будешь мыть посуду по-русски, – безапелляционно заявила мефрау. – У меня уже были практикантки из России. Вы денег не считаете.

– А есть способ мыть посуду по-голландски? – удивилась Рина.

Хюльда кивнула и за руку отвела ее в кухню. Ян, муж мефрау, напевая что-то, суетился у раковины. Рина в полном обалдении наблюдала, как он опускает тарелку в раковину, наполненную горячей водой, возит по ней щеточкой, потом аккуратно вытирает и ставит в шкаф.

– А сполоснуть? – жалобно пискнула она.

– А за воду заплатить? – парировала мефрау.

Следующим моментом истины стал день рождения старшего сына Хюльды. Уже и до этого Рина поняла, что питаются все очень экономно.

Завтрак в доме далеко не бедной мефрау Хюльды состоит из черного или серого хлеба, обезжиренного масла, джема и хахелслага. Рина долго не решалась попробовать нечто мелкое и коричневое из коробочки, подозрительно напоминающее мышинный помет. Но через неделю, осознав, что ничего другого в меню не будет, рискнула. Хэхелслаг оказался шоколадной стружкой, которой посыпают хлеб с маслом. По выходным к завтраку добавлялись йогурты.

Ленч они ели на работе. Утром Хюльда готовила четыре коробочки с ленчем: детям, мужу и Рине. Меню для всех было одинаковым: сэндвичи, только детям она добавляла еще фрукты.

Хюльда не приветствовала заимствований из распространенных ныне на всех без исключения континентах блюд восточной или средиземноморской кухни, и потому на ужин – вечером – они ели то же, что и ее предки-фермеры сто лет назад: гороховый суп, картошку, мясо или копченую колбасу, вареные овощи – морковку, горошек, зеленую фасоль и т. п.

По выходным после ужина подавали десерт: мороженое или пудинг. Потом взрослые пили кофе. Иной раз пиво или вино – по бокалу каждому.

* * *

Если традиции питания Рину удивили как суперэкономные, то подход голландцев к утилизации всяческого мусора вызвал в ней уважение тщательной организацией процесса и поголовным добровольным выполнением всех правил. Пластиковые бутылки из-под минералки и молочных продуктов дети мефрау собирали и сдавали за деньги в супермаркетах; это был их небольшой, но собственный доход. Все стеклянные бутылки и банки относились в специальные контейнеры. Причем стекло не сваливали в одну кучу, а сортировали по цвету: коричневое, зеленое или бесцветное.

Макулатуру накапливали в домашних голубых контейнерах, и раз в неделю за ними приезжала специальная машина.

Рина вспомнила, как одно время на улицах Москвы (кажется, в основном в районе Юго-Запада) стали появляться разноцветные контейнеры с надписями «Для стекла», «Для пищевых отходов» и так далее. Были даже граждане, наивно поверившие, что мы уже почти в Европе, и сортировавшие свой мусор перед тем, как его выбросить. Но длилось заблуждение недолго: до тех пор, пока кто-то не увидел, как приехавший раненько поутру мусоровоз вывернул все эти разноцветные ящики в свое нутро, один за другим, перемешав стекло с бумагой и пищевыми отходами. Так что до Европы опять дотянуться не получилось.

Первые несколько дней Рина чувствовала себя ужасно одинокой, и не только потому, что не знала языка, но и из-за явно недоброжелательного отношения жителей городка. Стоило ей войти в местный магазинчик, как разговоры посетителей стихали; хотя они могли в полный голос ее обсуждать – Рина по-голландски не знала ни слова. А потом, когда шла к двери, слышала перешептывания за спиной. При встрече женщины недовольно поджимали губы. Муж-

чины по большей части улыбались, но как-то... не так. Именно это, а не работа изматывало Рину.

Вот сегодня у хозяйского сына Вилли день рождения, и Хюльда – положение обязывает – назвала гостей. В честь выходного работы не было, и Рина с утра бродила по полям, потом предложила хозяйке помочь с готовкой, но та, глянув удивленно, отказалась. Рина ушла к себе в комнатку. Она читала, написала электронное письмо дочке, опять читала, поплакала. Иногда принохивалась – но с первого этажа, из кухни, ничем не пахло. Наверное, Хюльда пирогов не печет, а горячее еще не поставила, решила она.

К дому подъехала машина, и Рина, не вставая, выглянула из-за занавески. Обычная мало-литражка, женщина, которая из нее выбралась, выглядела аккуратно, но ничего особенного: гладко зачесанные и стянутые в хвост волосы, чистые по фигуре джинсы, голубой свитерок, очень хорошо оттеняющий смуглую кожу. Навстречу ей из дома вышел муж Хюльды, пожал руку, и они пошли в дом, при этом женщина сама тащила большую и явно тяжелую сумку – он даже не подумал помочь. Вот они, плоды европейского феминизма. Наверное, это какая-нибудь подруга Хюльды из города, решила Рина и принялась прихорашиваться. Она успела накрасить только один глаз, как на лестнице послышались шаги, в дверь коротко постучали и, не дожидаясь ответа, вошла та самая женщина, за которой Рина наблюдала минут десять назад.

– Привет, – сказала она на чистом русском. – Не съели тебя тут вместе с хахелслагом?

– Ой. – Рина растерялась, рука дрогнула, и тушь попала в глаз. – Ой-ой-ой!

– Ну извини, не хотела тебя пугать. Я Кира, бизнес-партнер Хюльды.

– Очень приятно, я Рина... ой.

– Иди умойся.

– Нет, я уже почти накрутилась. Надо проморгаться и чем-нибудь сухим промокнуть глаз...

– С ума сошла? Ты собираешься выйти в таком виде? То-то Хюльда все губы поджимала, когда о тебе говорила... Иди умойся, чтобы взирать на мир двумя глазами, а я расскажу, почему к тебе так плохо относятся местные жители. Ведь плохо относятся?

– Ну, не то чтобы плохо... – осторожно заметила Рина. – Но не очень дружелюбно.

– Оно и понятно...

После того как Рина умылась и сняла с лица всю косметику, Кира прочла ей лекцию по страноведению и местным нравам. Смысл ее заключался в том, что местные мужчины доведены женским феминизмом до состояния полной растительности. А дамы не утруждают себя диетами, подбором туалетов и макияжем. Люби такую, какая есть, – вот их девиз. И ведь любят! Зеленоглазая русская, накрашенная, пусть и умеренно, – вы когда последний раз выходили из дому без макияжа? – но все же каждый день и с самого утра, одетая не в мешковатые штаны и толстовку, а в аккуратные, обтягивающие попку бриджи и красивый свитерок, с чистыми и аккуратно уложенными волосами, мгновенно была оценена сообществом и проштампована как русская проститутка.

– Что?! – Рина вытаращила глаза. – Ты что такое говоришь?

– Что есть. Я не призываю тебя мыть голову раз в месяц и не чистить зубы. Но не нужно краситься, пока ты здесь живешь и работаешь. Вот просто не открывай косметичку с утра, и все! И одевайся попроще. Увидишь – к тебе станут лучше относиться.

Рина внимательно взглянула на женщину, сидящую на ее постели: молодая, симпатичная, стильная короткая стрижка, широко поставленные серые глаза, но на лице – ни грамма косметики, ногти не накрашены, и из украшений – цепочка с крестиком на шее и золотые пусеты в ушах. Общим количеством... три в одном и четыре в другом – семь штук.

– В Москве я в таком виде хожу только на утреннюю пробежку, – сказала Кира. – А здесь, поверь мне, – самое то.

Рина поверила и весь вечер ходила за Кирой хвостом, периодически задавая вопросы, на которые та терпеливо отвечала.

– Какое горячее на ужин – с ума сошла? Каждому гостю достанется по бокалу вина или пива и вон, видишь – на столе вазочки с орешками и крекерами? Это и есть угощение... Подарки? Ну, по большей части все принесут деньги. Евро по десять – двадцать. И мы так же сделаем.

Хюльда воспользовалась днем рождения сына Вилли как поводом, чтобы провести встречу с партнерами в неформальной обстановке. Несколько человек приехали из города, часть из них говорили по-английски, и Рина наконец почувствовала себя полноправным членом общества – она могла общаться, улыбаться, не опасаясь нарваться на недовольный взгляд. Некоторое время ее нервировало отсутствие косметики, это было непривычно, но потом она смирилась. Все было именно так, как предсказывала Кира – угощением никто не заморачивался, гости бродили по гостиной, тянули пиво и разговаривали.

Вечером Кира собралась уезжать, и у Риной задрожали губы, как у маленькой девочки: ей вдруг стало ужасно от мысли, что она опять остается одна. Она смотрела, как Кира укладывает сумку в багажник, и тихонько хлопала носом.

– Эй, подруга, ты чего? – Кира внимательно взглянула на Рину и укоризненно покачала головой. – Я бы тебя обняла, но ведь кто-нибудь да смотрит. – Она кивнула в сторону окон домов на другой стороне улицы. – Ты же не хочешь прослыть еще и лесбиянкой?

Обе захихикали. Кира продиктовала Рине свой номер мобильного и электронный адрес и уехала.

Оставшиеся полторы недели прошли, к удивлению Риной, довольно быстро и без инцидентов. Она отказалась от косметики и старалась одеваться попроще. Джинсы и ковбойка, купленная в местном же магазинчике, потому что у Риной таких вещей в гардеробе не водилось никогда. Волосы гладко в хвост (пряди все равно выбиваются и локонами выются, падая на лицо, но тут уж ничего не поделаешь). Результат не замедлил проявиться. Выяснилось, что кое-кто из местных знает английский и умеет здороваться по утрам. В выходной она пошла на танцы и неожиданно для себя получила удовольствие, отплясывая с местными что-то вроде кадрили. А за три дня до отъезда Рина получила предложение выйти замуж.

В тот день она вернулась из теплиц и вытирала ноги у входа в дом. Сапоги плотно облеплены были жирной влажной землей, Рина сосредоточилась на этом занятии и усиленно возила сапогами по жесткому коврику, проглядев приближение Андриса.

Услышав его голос над ухом, она вздрогнула, подняла голову, сдула с лица непослушную прядь и, переложив перчатки в другую руку, пожала крепкую и теплую ладонь мужчины. Андрис был местным семейным врачом, жил в аккуратном домике на окраине городка, держал двух собак и до невозможности походил на известного актера Дольфа Лундгрена: такой же высокий, светловолосый, с резкими чертами лица, которые преображались от доброй улыбки. Они познакомились в первую же неделю жизни Риной в доме Хюльды.

Мальчишка Хюльды обжег руку. Они с приятелем возились в гараже, изготавливая какое-то сложное устройство, которое должно было бабахнуть на празднике дня рождения королевы так, что все соседские пацаны обзавидовались бы. Рина по случаю воскресенья была дома и, сидя с ногами на кровати, тупо пялилась в самоучитель голландского, пытаясь запомнить хоть несколько фраз. Вчера она съездила в ближайший крупный город и поняла, что какой-то минимальный запас слов придется выучить, так как ее надежды на то, что «буквально все в Европе» говорят по-английски, не оправдались. На улице что-то бамкнуло, а потом раздались вопли и хлопнула входная дверь. Рина, услышав плач, скатилась по лестнице на первый этаж и увидела, как Вилли ревет, держа перед собой руку, перепачканную чем-то черным и красным. Вторым мальчишка, увидев Рину, разразился длинной фразой и, умолкнув, выжидающе уставился на нее. Но Рина лишь покачала головой, потому что не поняла ни слова, и, схватив Вилли,

попыталась осмотреть руку. Она увидела грязь, лопнувшую кожу, через которую проступали капельки крови, и потащила его к раковине, чтобы сунуть руку под холодную воду. Но мальчишка завопил громче прежнего. Тогда Рина оглянулась, ища телефон, и увидела, что рыжий уже набрал номер и теперь кричит в трубку. Закончив разговор, он что-то сказал приятелю, а потом повторил фразу медленно и погромче – для иностранки, но она все равно разобрала только два слова «доктор Андрис».

И доктор приехал очень быстро, бросил велосипед у крыльца, подхватил с седла свой чемоданчик, вошел в дом, принес с собой приятное ощущение силы и компетентности. Быстро осмотрел руку, подмигнул Рине и, усадив мальчишку поближе к окну, принялся обрабатывать рану. По его манере молодая женщина поняла, что ничего особо серьезного нет, и успокоилась. Зато Вилли опять ревел в полный голос, видимо, процедура была не из приятных. Но вскоре повязка была наложена, и доктор Андрис отправился с мальчишками в сарай, где и конфисковал кое-какие взрывоопасные ингредиенты. А потом, весело насвистывая, сел на свой велосипед, кивнул Рине и уехал. Вилли был наказан рублем – то есть из его карманных денег мать несколько месяцев удерживала большую часть, до тех пор, пока не покрыла счет, присланный доктором. Потом Рина пару раз встречалась с Андрисом на улице и в магазинчике, и на вечеринку в дом Хюльды он приходил. Он же несколько раз танцевал с ней в выходной, терпеливо показывая несложные па народного танца. Но, согласитесь, такое знакомство трудно назвать близким.

И вот теперь Андрис стоял перед ней, не выпуская ладонь Риной из своих рук. Он медлил, подбирая слова. Вообще, разговор с ним был делом небыстрым, потому что Андрис сперва в уме строил английскую фразу, а уже потом произносил ее вслух.

– Уезжаете скоро?

– Да. – Рина почувствовала, как от уха до уха на лице расплылась счастливая улыбка. – Поеду домой, в Москву, к дочке.

– Да. – Андрис помедлил. – Я помню, вы говорили про дочку. А я... не хочу, чтобы вы уезжали.

– Что? – Рина решила, что парень не справился с грамматикой.

– Я хочу, чтобы вы остались и вышли за меня замуж, – тщательно выговаривая слова, сказал Андрис.

Рина высвободила руку из его ладоней, заправила за ухо непокорный локон и с недоумением уставилась на врача.

– Я, может, неправильно поняла... – Она тоже постаралась максимально четко произносить слова. Наверное, они со стороны выглядят как два робота или персонажи учебного фильма, старательно выговаривающие простые фразы.

– Я хочу, чтобы вы вышли за меня замуж, – повторил Андрис. – Я хорошо зарабатываю. И люблю детей. Думаю, я понравлюсь вашей дочери.

Рина молча моргала. Вот это да... И что говорить-то? Она видела, что, несмотря на ровный тон, мужчина нервничает. Белая кожа предательски покраснела. Но он не отводил от нее внимательный взгляд светло-серых глаз.

Она беспомощно оглянулась и, не увидев ни Киры, ни доброй феи, ни другого человека, способного разрулить дурацкую ситуацию, сказала, тщательно подбирая слова:

– Спасибо, Андрис. Вы такой милый... но мы мало знаем друг друга, и я скоро уезжаю. Не думаю, что это хорошая идея.

– Напишите мне свой адрес, электронную почту, – быстро сказал мужчина. – Мы сможем писать друг другу и разговаривать по скайпу. Но писать, наверное, будет проще. И я могу прислать приглашение, чтобы вы с дочкой приехали ко мне.

– Я оставляю адрес, – кивнула Рина, с облегчением увидев возможность закончить разговор.

Андрис кивнул, попрощался и, сев на велосипед, укатил.

Рина вошла в дом, чувствуя, как горят щеки.

– Ну что? – Хюльда буквально бросилась к ней. – Что он сказал?

– Вы подслушивали?

– Нет. Но я вас видела. И знаю, что ты нравишься Андрису. Он немного застенчивый. Всегда такой был, мы ведь вместе учились в школе. Он хороший. Детей обожает. У вас будут красивые дети.

Рина промолчала.

– Ты же не отказала ему? – не унималась Хюльда. – Вы, русские, такие странные. Тебе не нравится Андрис?

– Я его почти не знаю.

– Он хороший.

– Верю. Наверное, он очень хороший. Но этого как-то недостаточно, чтобы выйти замуж.

– Почему? – удивилась Хюльда.

Рина пожала плечами. Честно ответила, что они решили переписываться, а там будет видно.

Хюльда ничего на это не сказала, но Рина ясно почувствовала, что она за своего одноклассника переживает и не одобряет такой переборчивости со стороны русской.

В оставшиеся два дня Рина Андриса не видела, но много думала о нем. И о его предложении. О нет, она прекрасно знает, что не любит голландца. Но еще Рина знает, что ей уже не восемнадцать и любовь – безоглядная, со слезами и горячими, бессмысленными словами, когда сердце то рвется, то бабочкой танцует в груди, – бывает один раз. И сколько примеров удачных союзов, основанных на уважении! Она шла по городку и старалась представить себе, что направляется не в магазинчик за хакелслагом, который обязательно надо привезти попробовать своим, а идет как местная жительница по своим делам. Это мой город. Вот эти дома, построенные полукругом. За ними – большой общественный сад, детская площадка и корт для тенниса. Здесь всегда полно детишек. И Андрис наверняка захочет, чтобы она родила ему ребенка... или двух-трех. Они будут жить здесь, угощать соседей орешками. Работать тут негде, разве если только в хозяйстве Хюльды... Хотя если детей будет трое, то работать вряд ли получится. Вот и магазинчик. Она поздоровалась с продавщицей Клэр и принялась складывать в корзинку гостинцы. Общаться тут особо не с кем... если только Хюльда и, пожалуй, Клэр. Рина оглянулась, и продавщица тут же спросила:

– Помочь?

– Нет, спасибо. – Она махнула рукой и продолжала думать о своем. Клэр не местная, она родом из Франции, отец из Туниса, а мать – француженка. Результат их союза некоторое время даже появлялся на подиуме, но потом Клэр встретила голландца Якоба, родила, так и не смогла похудеть до модельного размера и осела в этом маленьком и тихом городке.

Рина вздохнула. Ну и что? Можно подумать, дома полно подруг. И все же... Пожалуй, если бы они жили в городе, чуть менее похожем на деревню, ей было бы проще приспособиться. Так ничего и не решив, Рина собрала вещи, заехала перед отъездом к Андрису, но он был на вызове, и она оставила ему письмо со своим электронным адресом. И, счастливая, побежала к машине: Хюльда обещала подвезти ее до станции, откуда поездом она доберется до Амстердама.

* * *

На третий день пребывания в городе Рина сильно пожалела, что не осталась в провинции. Сам по себе город – если едешь или ходишь по нему с экскурсией, очень интересен и даже

по-своему красив. Но Рина жила в хостеле: что-то вроде студенческого общежития, да еще не в самом благополучном районе.

Утро начинается с рычания автомобилей, которые привозят продукты в магазин, расположенный тут же в доме. Вот грузчик опять что-то роняет, и хозяин раздражается воплями на арабском. Но грузчику все равно – полученные за работу деньги он отнесет в кофейню, курнет там травки, и станет ему хорошо. А больше ему ничего и не надо.

В какой-то из соседних комнат кришнаиты на два голоса поют мантры. Соседка Ингрид из Швеции собирается на пробежку. Тараканы поспешно уступают ей дорогу. Рину они почему-то боятся гораздо меньше, и даже ее появление в ванной комнате не вызывает у насекомых особого ажиотажа. Рина старалась как можно больше времени проводить в цветочном центре, усваивая науку сохранения цветов, компоновку букетов, сорта и свойства разных растений. Она уже привычно брала с собой ленч и ела здесь же, среди контейнеров с зеленью. Стажеры трудились наравне со всеми, и, добравшись до дому, Рина мечтала только о том, чтобы упасть в постель и заснуть до того, как соседи начнут выяснять отношения или что-нибудь праздновать.

Город был грязен, полон малоадекватных личностей, и, сев в самолет до Москвы, Рина вздохнула с огромным облегчением.

Рина вернулась в Москву, и на следующий же день звонок мобильного выдернул ее из объятий приятного сна. Она села в кровати, очумело потрясла головой и уставилась на тумбочку. Мобильник, колотясь в спазмах вибровывоза, полз к краю и звонил изо всех своих мобильных сил. Рина схватила трубку, прежде чем та успела обрушиться на пол.

– Да, я слушаю. – Голос со сна звучит хрипло, ну да ладно.

– Рина? Это Кира. Как вы долетели?

– Спасибо, хорошо.

– Я хотела бы с вами встретиться и предложить вам работу. Или у вас есть на примете какой-то вариант?

– Нет пока. – От растерянности Рина ответила честно, хотя тут же спохватилась и подумала, что для набивания цены можно было бы и соврать.

– Как насчет ленча? «Планета суши» на Тверской в час дня устроит?

– Да... – пробормотала Рина, адресуясь скорее к идее ленча, потому что совершенно не могла вспомнить, что там у нее на час дня запланировано. Вроде было что-то? Но Кира уже приняла ответ, попрощалась и повесила трубку.

Рина уронила телефон на постель, посидела несколько секунд, зажмурившись, а потом открыла глаза, оглядела свою комнату и счастливо улыбнулась. Господи, как хорошо быть дома! Машка во время ее отсутствия жила у родителей Романа и вчера ночевать домой не вернулась – осталась у стариков, поэтому в доме тихо. На полу лежат вещи, стоит открытый чемодан, как бегемот, в пасти которого перемешались книги и вещи. Рина набросила шелковый халат и пошла в кухню. Сделала кофе и открыла холодильник. О! К ее приезду купили сыр, масло и творожки какие-то. Надо будет поблагодарить. Она открыла творожок, но съесть смогла только половину – слишком сладкий. Грея ладони о чашку, подошла к окну и посмотрела на улицу. За окном стандартный московский пейзаж, но сейчас, пока глаз не привык, он кажется почти незнакомым.

Нужно иногда уезжать из родных мест, чтобы соскучиться. Тогда зрение приобретает какую-то особую остроту и вещи, даже хорошо знакомые и привычные, кажутся немного другими. Что может быть смешнее московской весны? Вечная борьба со слякотью, рабочие в ярких жилетах чудовищными жуками копошатся на клумбах, вскапывая, сажая, приторговывая рассадой на сторону, потому что дачники и прочие цветоводы шмелями вьются вокруг в извечной человеческой надежде за грошик купить много хорошего. Что может быть трогатель-

нее весны в городе, когда, несмотря на гарь и выхлопы, деревья опять собираются с силами и покрываются свежей пока листвой, а травка подмигивает желтенькими монетками мать-и-мачехи. Город вздыхает с облегчением, до следующего года забывая про холод и метели, и искренне надеется, что эта весна будет солнечной, а лето – теплым.

Рина допила кофе, сполоснула чашку и прошла в комнату Машки. М-да, чувствуется, что дочка домой заходила довольно часто. Пыль вроде вытерта, но все кругом валяется: одежда, диски, книги, почему-то туфли на письменном столе. Рина подошла к полкам, подровняла книги и что-то еще и привычным жестом погладила по круглому пузику смеющегося бодхисатву.

И в комнате Маши, и в ее собственной спальне полно вещей, привезенных из Индии. А уж у родителей Романа вся квартира забита бронзовой посудой, резными столиками и всякими-разными статуэтками: кость, дерево, металл. Рина оставила в своем доме только тех персонажей, что ей нравились. Вот, например, слогоголовый бог Ганеш. Он милый, и Рина разместила перед его статуей горшки с фиалками, получился почти алтарь с цветами. Вот многорукий Шива и его жена Лакшми. Парные статуэтки вырезаны из ароматного светлого сандала. Боги утонченно красивы, их совершенные тела застыли в сложных танцевальных позах. Вот бронзовый Будда – невозмутимый, с полуприкрытыми глазами и чуть заметной улыбкой на губах. Сперва Рине казались странными удлиненные мочки ушей и слишком правильные черты лица. Но потом она привыкла и теперь находила статуэтку красивой. Иной раз Будда казался воплощением безмятежности, но порой Рине чудилось, что он следит за ней из-под полуопущенных век, и тогда на идеально изогнутых губах мелькает усмешка. Само собой, это всего лишь игра света и тонкая работа скульптора, который инкрустировал глаза перламутром и обсидианом... И все же Рине нравилось думать, что Будда смотрит на них с Машкой. А значит, он о них думает и, может, даже немножко заботится.

Поздоровавшись с вещами и цветами, Рина немного пришла в себя и вспомнила, что они с Машкой договорились сегодня встретиться. Возле школы после шестого урока, в два с чем-то. Черт, если она пойдет на ленч в час, то с Машкой они пересечься не успеют. Некоторое время Рина колебалась, но потом решила, что если не пойти на деловую встречу, то можно и без работы остаться. А деньги нужны для прокорма той же Машки, которая, между прочим, на харчах у бабушки и дедушка наела весьма приличную попу. Она написала Машке эсэмэску с объяснениями и отправилась собираться на ленч.

Рина никогда особо не увлекалась восточной кухней и совершила типичную ошибку новичка – взяла то же, что и Кира. В результате копченого угря есть не стала совсем, а маки так приправила зеленой горчицей васаби, что потом пила только воду, зато много. Но при всей своей кулинарной абсурдности, ленч этот можно было считать удачным: Кира предложила Рине работу.

– Смотри, подруга, – говорила Кира, ловко орудуя палочками. – Я хочу открыть сеть цветочных салонов. Сейчас я на розничном рынке практически не свечусь – занимаюсь оптовыми поставками из Голландии через налаженные связи. Но хочу и магазинчики попробовать. Первый я купила и уже запустила: место хорошее, рядом офисный центр, несколько кафе и ресторанов, чуть дальше – кинотеатр. Открылись мы уже два месяца как, но... Директором поставила одного дяденьку... он хороший, но старый. И резвее поворачиваться не сможет. А надо, иначе бизнес не пойдет. Так вот. Ты с завтрашнего дня заступаешь туда на должность дизайнера. Занимаешься букетами и всем прочим, что люди потребуют. И потихоньку присматриваешься к административной работе. Как только почувствуешь, что готова, – станешь директором.

– Я уже была директором, – сказала Рина, откладывая палочки. – Ты не знала?

Кира покачала головой и взглянула на Рину с новым интересом.

– У меня была своя туристическая фирма и достаточно времени, чтобы понять, что я ненавижу руководящую работу, – уверенно продолжала та. – Я предлагаю продвигаться несколько в другом направлении: не только магазин с дорогими букетами или даже сеть магазинов. Но специализированная структура с хорошей интернет-поддержкой, которая предлагала бы озеленение офисов, отелей, богатых домов и квартир. И я готова заниматься всем креативом, но прошу тебя оставить этого дядьку... или найти на его место человека, который будет ругаться с поставщиками, санэпидемстанцией, пожарными, налоговой...

– Я поняла, поняла, не порть аппетит упоминанием о таких вещах. Значит, ты думаешь, что нужен собственный сайт?

Разговор принял конструктивный характер.

Они договорились, и теперь Рина занималась тем, к чему действительно лежала душа: дизайном букетов и созданием проектов оформления домов и офисов. А цифрами и поставками материала занималась специально нанятая для этого дама, бывшая преподавательница математики, между прочим. Рина с Кирой довольно быстро нашли общий язык и даже подружились.

И то, что были они совершенно разными по темпераменту и складу своему, рождало между женщинами доверие, ибо сводило на нет саму мысль о конкуренции – мысль, которая загубила не одну женскую дружбу.

Какой должна быть хорошая подруга?

Это сложный философский вопрос, и отвечает на него каждая женщина по-своему. Рина всегда была человеком достаточно закрытым и потому особой нужды в подружках не испытывала. Школьные друзья как-то растворились, едва стих последний звонок, а потом, за время каторжной работы в турфирме, и институтские тоже. Ей не нужны были советы по выбору одежды и никогда не хотелось обсудить с девчонками личную жизнь. И пожалуй, среди массы знакомых Кира стала первой подругой, с которой Рину объединяли не только общие профессиональные интересы, но и некое понимание жизни. Часто их мнения о людях и бизнес-проектах совпадали, и это приятно удивляло обеих. Рина никогда не стала бы носить короткую стрижку и спортивные ботинки на толстой подошве, но по-мальчишески стройной, быстрой и порывистой Кире это удивительно шло, и стильность ее образа не могла не вызывать уважение подруги. А Кира иной раз незаметно для окружающих и даже для себя самой перенимала у Рины некие нюансы – улыбку, неспешное внимание, с каким та слушала людей.

Маман Киры занималась поставками медикаментов из-за рубежа и видела дочку в роли своей помощницы, а в нескором будущем и преемницы. Но Кира не желала идти у мамы на поводу, выслушивать критику за неумелость и почтительно внимать бесконечным наставлениям. Она закончила престижный вуз, несколько лет, сжав зубы, проработала в маминой компании, обросла некоторым количеством необходимых жизненных знаний и знакомств, а затем пришла к маман и положила на стол бизнес-план собственного предприятия. И попросила кредит.

– Если не дашь – возьму в другом месте.

Само собой, был скандал, но в конце концов бизнес-план мать прочла. И, поняв, что не сможет заставить Киру вернуться на роль послушной ученицы, кредит дала. Под грабительский процент.

И вот теперь Кира выплатила основной долг, осталось выплатить лишь проценты, а потому она нашла средства, чтобы заняться розничной торговлей. Рина чрезвычайно уважала подругу за твердый характер и потрясающую работоспособность. Подозревала, правда, в некоторой черствости, пока не узнала, что каждый праздник в нескольких детских домах города

оформляется цветами на деньги Киры. И что она оплачивает преподавателей, которые соглашаются вести там курсы флористики.

Третьей в их компании стала Дуська. Вообще-то зовут ее Наташа, но она всю дорогу умудряется обрывать какими-то пушистыми одежками или игрушками и называет все это «дусечками».

Наташа отличалась складом романтическим и редкостной неприспособленностью к проблемам жизни практической. Рина всегда считала, что только благодаря своей наивности и ангельской внешности Ната так удачно избегала многих проблем. Мало есть мужчин, которые не горели бы желанием помочь русоволосой девушке с трогательно незащитными глазами цвета лесных орешков и свежими нежно-розовыми губами.

Дуся-Наташа, как и Рина, училась в колледже флористов, вот только букеты у нее не получались. Цветы ломались, пальцы вечно натыкались на шипы, кололись о проволоку. Зато когда из этой проволоки Ната начинала крутить скелетики, со смеху помирал весь курс. Потом девушка брала лоскуточки или даже флористическую сетку и за полчаса создавала скелетику потрясающий костюмчик, и проволочка превращалась в фею, или в солдатику, или в зверьку неизвестной, но очень симпатичной породы.

Кое-как отмучившись в колледже, Ната-Дусечка осела продавцом-консультантом в какой-то художественной галерее, ваяла милых и забавных кукол, которых та же галерея с удовольствием продавала, ездила на выставки и вообще вела полубогемный образ жизни.

Когда Рина познакомилась с Дуськиным папой, у нее опять возникла дурацкая мысль о том, что природа всегда награждает родителей детьми, с которыми они порой просто не знают, что делать. Алексей Иванович вышел в отставку полковником, но всю жизнь занимался научной работой в области математического анализа. Характер полковник имел ровный, сложение спортивное, вел здоровый образ жизни и в качестве хобби собирал луки. Стрелял он как Робин Гуд и с почтением был признан отцом и учителем многочисленными группами ролеви-ков. Люберецкие эльфы и мытищинские хоббиты ходили за ним по пятам. Под терпеливым руководством Дуськиного папы они обучались разводить костры, строить шалаши и стрелять из луков и арбалетов.

Рина на сто процентов уверена была, что полковник мечтал о сыне, с которым можно было бы заниматься спортом и решать математические задачки. Но вот поди ж ты, аист принес ему дочурку, которая из всех математических символов признавала только цифры на денежных купюрах, а из спортивных упражнений – любовные игры.

Однако к чести Дуськи и Алексея Ивановича нужно отметить, что они сумели найти общий язык и жили очень дружно.

Когда Рина вернулась из Голландии и начала работать с Кирой, она и Дуську хотела перетянуть к себе, но та самым решительным образом отказалась.

– Риночка, ну ты же помнишь, что в холодильниках с цветами я простужаюсь, руки у меня болят от этих бесконечных букетов и бумажек...

Рина задумчиво взглянула на руки Дуськи. Да, маленькие ладошки, тонкие пальцы. Но сейчас пальцы эти весьма крепко сжимали плоскогубцы, и, разговаривая, девушка крутила из проволоки сложную конструкцию, которая постепенно приобретала очертания деревца.

– Болят, значит... – протянула Рина.

– Ужас как! – Дуська решительно отложила плоскогубцы и взяла моток тонкой золотой проволоки. Раз-два и еще раз, поворот, закрепить, зажать – и готов трепетный листочек, который скоро украсит ветвь стального деревца. Дуська подняла на подругу светло-карие глаза и улыбнулась: – Я хорошо себя чувствую в галерее, и даже работать могу днем, если посетителей немного. А Кира... она же меня загоняет. Давайте я вам лучше буду куколок делать для цветочных композиций?

На том и порешили. Подружки встречались не слишком часто, занятые работой и прочими делами, но все же любую женщину греет чувство, что есть понимающая душа, которая может выслушать и просто поболтать, восхититься новым украшением или тряпкой, дать совет и составить компанию для похода в театр.

Жизнь наладилась, работа радовала, и все у Рины было хорошо. Андрис писал регулярно и все звал ее в гости в Голландию, но Рина отказывалась. А потом он сообщил, что женился и скоро у него родится дочка. Рина вздохнула с облегчением: теперь-то переписка прекратится, Андрис успокоится. Но не тут-то было. Письма стали реже, но приходили регулярно, английский Андриса достиг таких высот, когда они с Риной могли уже и философствовать понемножку, что было даже забавно.

Какой должна быть идеальная любовница?

С точки зрения мужчины, она должна быть красивой, сексуальной и не слишком навязчивой и требовательной. Для того чтобы ворчать и требовать что-нибудь, у большинства мужчин имеются жены.

С точки зрения его жены... Наверное, главное, чтобы любовница не пыталась перейти в категорию «жена».

– Что тебе подарить, дорогая?

Рина улыбнулась мужчине, протянула руку за шелковым пеньюаром и выскользнула из постели. Он смотрел на нее, и Рина, чувствуя взгляд любовника, двигалась неторопливо и грациозно. Пеньюар она набросила на голое тело, но позволила ему чуть соскользнуть с плеча, небрежным, но очень женственным жестом поправила волосы и подошла к трюмо. Вынула из бархатного футляра и вдела в уши его последний подарок – серьги с бриллиантами, коллекция известного дизайнера. Белое и розовое золото, хрупкое изящество, повторяющее то ли растительный орнамент, то ли морозные узоры на стекле, холодный блеск дорогих и чистых камней. Шея у Рины роскошная, просто идеальна для того, чтобы носить длинные серьги. Собственно, она и с Иваном Александровичем познакомилась благодаря своей красивой шее и любви к серьгам. С мужем Рина рассталась давно, пара неудачных и мимолетных романов не оставила ничего, кроме разочарования, и она порой радовала себя подарками сама; а что делать, если больше некому. В канун Нового года Рина решила купить себе что-нибудь из украшений. Закончив работу, пешком прошла до Тверской, забрела в ювелирный и мерила что-то воздушное в отделе серебра.

Спиной почувствовала, что на нее кто-то смотрит. Бросая быстрые взгляды в зеркала, разглядела солидного в дорогой дубленке господина: лет пятьдесят, внимательные глаза, довольно интересное лицо, седые виски. Рине стало досадно: какого черта он на нее пялится? Вот ведь невезение, в кои-то веки решила себя побаловать к Новому году, купить себе любимой подарок – и вот, не слишком молодой тип в ботинках из кожи какого-то невезучего пресмыкающегося портит все удовольствие. Особенно впечатлили Рину ботинки. И как он в них по улице-то ходит, пижон несчастный? Холодно, наверное... но тут же она опомнилась: он же наверняка на машине, вот и дубленочка тонкая, даром что черная норка по воротнику... Решив поставить наглеца на место, она повернулась и в упор взглянула на мужчину. Тот некоторое время разглядывал ее светло-голубыми глазами, ни в малейшей степени не смущаясь откровенным недовольством молодой женщины. Продавщицы тщетно пытались привлечь внимание клиентов, но те словно забыли, где находятся и зачем пришли в это ярко освещенное помещение, полное блеска золота и драгоценных камней. Представительный мужчина и молодая женщина скрестили взгляды, как шпаги, и через несколько секунд в магазине повисла напряженная тишина. В конце концов мужчина отвел взгляд, усмехнулся, но, к удивлению Рины, не отвернулся к прилавку, а направился напрямик к ней.

– Здравствуйте, девушка, – сказал он, остановившись рядом и приветливо улыбаясь. – Меня зовут Иван Александрович, и я хочу попросить вас об одолжении.

– Да? – удивленно обронила Рина.

– Мне нужно выбрать подарок... А я никак не могу ни на чем остановиться. Вы не могли бы примерить эти серьги?

По его знаку рядом возникла продавщица и положила на стекло прилавка темно-синюю бархатную подушечку, на которой радовали глаз серьги белого золота, украшенные бриллиантами.

Рина оторвалась от светло-голубых глаз незнакомца и взглянула на украшение. Она сразу же решила, что серьги ей не нравятся. Изделие было массивное, в советских традициях – много металла и устаревший дизайн.

– Они вам не нравятся? – догадался Иван Александрович. – Ну вот, я так и знал, совсем в этом не разбираюсь.

– Нет-нет, они очень даже... – торопливо выпалила Рина, мгновенно почувствовав себя неловко.

– Прошу вас, помогите мне с выбором! – Улыбка у Ивана Александровича получилась обезоруживающая. В уголках светло-голубых глаз собрались веселые морщинки. – Я должен преподнести подарок одной даме из налоговой, цена не имеет значения, но хотелось бы, чтобы подарок произвел должное впечатление.

«Однако», – подумала Рина, а вслух сказала:

– Не уверена, что мне понравится то же, что даме из налоговой.

– В любом случае в вашем выборе будет больше вкуса, а ведь для женщины это очень важно, – просительно продолжал мужчина.

Рина решила, что дальше ломаться неудобно, да и не так уж велик труд. Они вместе вернулись к витрине с бриллиантами, и минут через двадцать примерок, когда обе продавщицы подавали то то, то это, поворачивали зеркала так и этак, Рина выбрала серьги, которые, как она объяснила благосклонно внимавшему ей Ивану Александровичу, подойдут практически любой женщине благодаря классическому дизайну и чистым камням.

Когда выбор был сделан и украшения оплачены, Иван Александрович рассыпался в благодарностях и предложил компенсировать усилия и время, оплатив то, что Рина выбрала для себя, до того как он «безжалостно принялся ее эксплуатировать».

Молодая женщина решительно отказалась и даже нахмурилась, давая понять, что подобное предложение неуместно. Он все понял правильно и пригласил ее в кафе. Делать Рине было решительно нечего, а мужик выглядел вполне искренним, и она согласилась.

В результате они оказались в небольшом и очень уютном итальянском ресторанчике, где Иван Александрович кивнул метру и сказал негромко несколько слов, после чего перед ними возник некто, прошелестевший интимно:

– Я ваш сомелье, – и с гордостью продемонстрировавший бутылку белого вина, которое должно «наилучшим образом подойти к тому празднику вкуса, который приготовил для вас сегодня шеф». Иван Александрович капризно оттопырил губу, обозрел этикетку и с сомнением взглянул на сомелье. Тот стушевался и через несколько секунд предъявил другую бутылку, выразив надежду, что «урожай этого года сохранил в себе столько солнца и тепла Италии, что господа просто не смогут не восхититься...». В этот раз мужчина благосклонно кивнул, бутылка была открыта, и торжественно упали в бокал несколько капель золотистой жидкости. Иван Александрович качнул бокал, пригубил вино и через несколько секунд (застывший рядом сомелье, казалось, даже не дышал) кивнул. Рина с интересом наблюдала за происходящим. Она поняла, что ресторан этот дорогой безумно, и решила, что нет худа без добра – сама она никогда на такие траты не пошла бы, а тут на тебе: дизайнерский интерьер, огромные аквариумы с разноцветными рыбками, креветками, осьминогами и прочей плавуче-ползучей живностью,

и сомелье, и проба вина, как в кино... Когда сомелье удалился, а на столе появились горячие булочки и восхитительно пахнущее масло, смешанное с травами и чесноком, Иван Александрович наклонился к Рине и негромко сказал:

– Произвел я на вас впечатление? – Он улыбался, и Рина, засмеявшись, кивнула. – Сам-то я люблю водку и пельмени или рагу свиное. Но здесь намного гламурнее, и я подумал, что вам понравится...

Рина не могла не рассмеяться, и за обедом они дружески болтали, запивая вкуснейшие блюда средиземноморской кухни прекрасным вином. Рина узнала, что Иван Александрович женат и у него взрослый сын. «Скоро, глядишь, и дедом стану». Про жену он сказал как-то очень спокойно: «Мы столько лет вместе, что даже ссориться уже неинтересно...» Выяснилось также, что работает он в некой консультационной компании. Услышав, что Рина трудится в цветочном салоне, он потребовал визитку.

– Нам, знаете ли, букетики всякие нужны бывают регулярно. Восьмое марта там, и прочие праздники. Это очень удачно, что я вас нашел.

Визитки у Рины не было, и она написала на салфетке свой рабочий телефон.

– И мобильный на всякий случай, – сказал он.

И Рина написала мобильный тоже.

Так у нее появился любовник. Он был напорист, нежаден и восхищался ею вполне искренне. Рина быстро поняла, что она не первая, но не стала переживать по этому поводу. Как мужчина Иван Александрович был хоть куда, и ей нравилось, что им хорошо в постели, что он делает ей подарки, получая от этого удовольствие, что возит ее на различные мероприятия. Впрочем, мероприятия бывали разные и не все проходили гладко, но Рина понимала, что жизнь не может преподносить только пряники. Даже брак требует от партнеров готовности идти на компромиссы. Она честно выполняла то, что входило в ее обязанности как любовницы состоятельного человека: была мила и не устраивала скандалов, блистала на вечерах и тусовках и радовала его в постели. И, раз и навсегда договорившись с собой, принимала подарки или деньги и порой называла себя содержанкой, но не видела в том ничего зазорного.

– Я совершенно свободная женщина, – говорила она подругам. – И почему бы не получить удовольствие от секса и того, что мужчина хочет дарить мне подарки?

Дуська кивала, Кира молча приподнимала брови. Дуська всегда со всем соглашается, она такая добрая и сентиментальная, что оправдывает, наверное, даже людоеда. Кира замужем не была, любовников периодически меняла и относилась к ним как тренажерам в спортзале. Рина иной раз немножко жалела ее. Ей казалось, что полное отсутствие романтики и каких-то возвышенно-девических ожиданий обедняет жизнь. Но если начать поучать подругу – тут-то дружбе и конец, а потому каждая из подруг протаптывала в лесу собственные тропинки в поисках той самой солнечной полянки, где ждет счастье.

Какой должна быть идеальная мать?

Откройте любой журнал для родителей и найдете там стандартный набор советов: вы должны уделять своему ребенку достаточно времени, но не навязываться. Направлять его интересы, но не заставлять насильно реализовывать ваши планы и мечты. Всегда быть чуткой и готовой выслушать и прийти на помощь. Кормить, поить, одевать и при этом воспитать в нем самостоятельность. Мне трудно представить себе, что найдется женщина, которая сможет все это сбалансировать и сочетать в какой-то идеальной пропорции. Потому как если женщина работает, то время от времени ребенку придется сидеть дома одному, идти в школу с непроверенным домашним заданием и есть сосиски. А если мать сидит дома... то сможет ли она дистанцироваться настолько, чтобы не давить на свое чадо? Особенно когда наступит тот пресловутый момент обретения самостоятельности?

Рина старалась быть хорошей матерью. Она честно следовала Машкиным вкусам в одежде (лишь немного ограничивая чрезмерное употребление ярко-розового и угольно-черного), не мешала ей красить волосы и дырявить уши. Заставила носить брекететы, выдержав по этому поводу истерику и переломив ее извечным родительским «потом ты мне спасибо скажешь». Она не считала нужным делать вид, что любит «Токио Отель» или Диму Билана, но и слушать их не запрещала. Винила себя в том, что не следит за учебой дочери более пристально, но в начальной школе сей момент был упущен, и к Машке в этом плане было уже не подобраться.

– Мам, я сама. Расслабься, тройков в аттестате не будет, а в остальном... тебе что важнее – мое здоровье или пять баллов по математике? Репетитор? На фига мне репетитор? Да наша Татьяна и так всех училок построила, мы только на ЕГЭ и пашем.

Слушая разговоры коллег и других родителей, Рина порой даже немножко гордилась тем, что у нее с дочерью такие замечательные отношения. Секретов от матери у Машки нет, общаются они по-дружески – чего еще желать?

А потом Машка преподнесла маме сюрприз. Они сидели в кухне и ужинали: салат, запавленный йогуртом, для Рины и салат плюс куриная ножка для Машки. Справившись с мясом и облизав пальцы, дочка как-то очень буднично объявила, что уезжает жить в Германию.

– Не поняла... – Рина хлопала глазами. – В смысле по обмену? Но у вас же ЕГЭ на носу. Меньше полугода осталось.

– Плевать мне на это ЕГЭ, – фыркнула Машка.

Рина долго ходила по квартире за дочерью, собрав в кулак все свое терпение (чтобы не убить любимое чадо и не сорваться на крик, после которого разговор вряд ли получится) и задавала один и тот же вопрос в разных формах, пока не выяснила следующее. Прошлым летом группа старшеклассников из школы с углубленным изучением немецкого языка, где и учится Маша, отправилась на три недели в Германию с дружественным визитом. Там они жили в семьях, а потом, месяца через три, принимали немецких школьников у себя. Рина прекрасно помнила симпатичную темноволосую девочку, которая у них жила, Моника кажется. Вполне нормальная девочка. Но как выяснилось, там, в Германии, у нее есть брат и с ним Машка за три недели умудрилась закрутить любовь. Потом они переписывались по Интернету, и вот теперь Гельмут зовет ее к себе и говорит, то есть пишет, что жить без нее не может и вообще.

– С ума сошла? – взвилась Рина. – И кем ты там будешь?

– Я буду счастливой женой, – отрезала Машка и от растерянности и недвусмысленности намека Рина лишилась дара речи.

И все же она, списавшись по имейлу с тем самым Гельмутом и возвав к его немецкой прагматичности, убедила потенциального мужа подождать полгода и дать Машке закончить школу. Гельмут согласился и Машку сумел убедить, но заявил, что скучает ужасно и приедет к ним на Новый год.

– Замуж? – Кира вытаращила глаза и едва не уронила палочки. Подруги питались очередными суши. Рина уже привычно ловко орудовала палочками, а Дуська попросила прибор и теперь задумчиво ковыряла в тарелке.

– А как же институт? Куда ты ее собиралась определить?

Рина пожалала плечами:

– Ну, я предлагала ей попробовать куда-нибудь на платное, само собой, но Машка такая упертая... Боюсь, придется уступить и отпустить в Германию.

– А если не сложится у них там? Вернется сюда – и что? Ни образования, ни работы! – Кира покачала головой. – Я бы на твоём месте родительскую власть употребила.

Рина сдержала готовое сорваться с языка «вот когда будешь на моем месте, тогда и поговорим». Легко сказать! Она намекнула Машке, что до восемнадцати лет та без согласия матери не сможет никуда уехать, на что дочь лишь пожала плечами и заявила, что учиться все равно не пойдет. На жизнь себе заработает хоть в том же «Макдоналдсе», а потом все равно уедет. И Рина прекрасно поняла недосказанное – только отношения их за это время станут другими.

– Это ее жизнь, – сдержанно сказала она. – Пусть поступает как хочет. Свою голову не приставишь.

– Вот будет здорово, если ты скоро станешь бабушкой! – выпалила вдруг Дуська.

Рина взглянула на нее холодно: такая перспектива не радовала.

* * *

Новый год подкрался быстро, и вот уже Рина с Машкой встречают Гельмута в Шереметьеве. Ни про какую гостиницу Машка и слышать не пожелала, и парень поселился у них. Глядя по утрам, как он пьет кофе и ест в невероятных количествах бутерброды с сыром, Рина никак не могла осознать, что этот белобрысый здоровый молодой мужчина собирается стать мужем ее Машки.

Праздничные дни, как всегда, были самыми загруженными для Риной, а молодые большую часть времени пропадали по друзьям и клубам, но все же Гельмут как-то вечером пришел к ней в комнату, сел в кресло у окна и, небыстро подбирая английские слова, принялся рассказывать, что у них очень хорошая семья. Родители живут под Мюнхеном, но сам он вместе с двоюродными братьями живет и трудится на ферме дяди в сельском районе Баварии. Ферма богатая, но работы много. Зато семья большая, всем весело, и праздники часто бывают, а в Мюнхен они по очереди ездят развлекаться. Воздух там чистый, еда – экологически безопасная, потому что ферма специализируется на модных сейчас органических продуктах, то есть никакой химии. И если она, Рина, захочет – так пусть переезжает к ним: места всем хватит, и дело ей найдется.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.